

И. Лоцилов

ДЕТСКАЯ ПОЭМА ПЕТРА ПОТЕМКИНА «БОБА СКВОЗНЯКОВ В ДЕРЕВНЕ»¹

Заметка предваряет текст детской поэмы поэта-сатириковца Петра Петровича Потемкина (1886–1926) «Боба Сквозняков в деревне», изданной в 1912 г. Поэма связана с работой автора в детском журнале «Галченко», приложении к знаменитому «Сатирикону», и рассказывает о похождениях мальчишки-проказника в каникулярное время. Показана связь с традициями, противостоящими официальной школьной дидактике, принципы обращения автора с хрестоматийной школьной классикой, элементы стилизации и абсурда. Выдвигается предположение о влиянии поэмы Потемкина на детские поэмы («крокодилады») Корнея Чуковского и на поэтику детских стихов обэриутов.

Ключевые слова: поэт-сатириковец Петр Петрович Потемкин, детская поэма, детский журнал, мальчишка-проказник, официальная школьная дидактика, стилизация, абсурд, Корней Чуковский, обэриуты

В краткой справке о Петре Потемкине, составленной М. Л. Гаспаровым для книги «Русский стих начала XX в. в комментариях», говорится, что он «воспринимался современниками как один из первых вульгаризаторов символизма, перенесший его эстетизм в ресторанно-богемный быт, а его поэтическую технику в “низкие” развлекательные темы; но талант его никем не оспаривался» [Гаспаров 2004, с. 302].

Петр Петрович Потемкин родился в 1886 г. в Орле, в семье дворянина, служащего Рижско-Орловской железной дороги. Учился в гимназиях в Риге, Томске, Санкт-Петербурге, на физико-математическом и историко-филологическом факультетах Санкт-Петербургского университета. В мир литературы вошел на волне революционной печати 1905–1907 гг.; был активным участником литературной жизни 1900–1910-х гг., сотрудником журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон»; издал до революции два ярких поэтических сборника: «Смешная любовь» (1908) и «Герань» (1912). В 1920 г. эмигрировал; умер в 1926 г. в Париже.

Автор развернутой библиографической справки [Тименчик 2007] и ряда статей о Потемкине писал о его поэзии: «Подзабытый ныне голос, россыпь не похожих друг на дружку стихотворений,

в которых читатель следующей эпохи находил то будущего Маяковского, то будущего Олейникова» [Тименчик 1989, с. 244].

Творчество Потемкина для детей практически остается неизвестным, «невостребованным»; между тем, у него основательные корни в русской и европейской традиции.

Детские стихи Потемкина связаны с недолгой историей журнала «Галченко» — детского приложения к «Сатирикону». Первый номер вышел 5 ноября 1911 г., издателем был М. Г. Корнфельд, а в роли редактора и «идеолога» издания выступил художник и стихотворец Алексей Александрович Радаков (1877–1942). «Галченко» перестал выходить в 1913 г., в связи с расколом редакции «Сатирикона» и появлением журнала «Новый Сатирикон».

Радаков с самого начала противопоставлял свое детище распространенным назидательным детским журналам типа «Задушевного слова», «Родника» и «Тропинки»: «Я согласился стать редактором. Создать журнал нового типа, веселый, с карикатурами, со смешными рассказами, которые вызывали бы смех и радость у детей, и в то же время нравился бы родителям и педагогам, было нелегко» [Радаков 1940, с. 23]. Стиль и «дух» издания целенаправленно ориентировался на образцы западноевропейской печати для детей: немецкой, французской и итальянской.

Главный и «сквозной» персонаж журнала — самодовольный и несколько растрепанный большеголовый птенец — восходит, по всей видимости, к образу злополучного «героя» серии картинок с стихотворными подписями автора знаменитых «Макса и Морица» Вильгельма Буша «Hans Huckebein. Der Unglückrabe» (1867; в русской версии — «Неудачник»). Удавившийся на клубке ниток персонаж немецкого «черного юмора для детей» был намеренно русифицирован Радаковым: на заставке журнала он гордо стоит на фоне типично русских изб, покосившегося плетня и мухоморов.

Публикуемое сочинение Потемкина — вторая часть небольшой книжки, выпущенной Корнфельдом в типографии «Сатирикона» (Санкт-Петербург, ул. Бассейная, дом 3) с указанием: «Премия журнала Галченко на 1912 год». Книга называлась «Боба Сквозняков»; авторство было указано в виде подписей, а не на обложке или титульном листе: В . К н я з е в ъ в конце первой части, и П о т е м к и н ъ в конце второй, озаглавленной «Боба Сквозняков в деревне» [Князев, Потемкин 1912, с. 27–46].

Лишь несколько из довольно многочисленных стихотворений Потемкина, предназначенных для «Галченка», были переизданы

Князев В. В. Боба Сквозняков: стихи для детей в 2 ч. СПб.: Изд-во М. Г. Корнфельда, Типография журнала «Сатирикон», 1912; художник не указан.

в новейшее время: «Воронье пугало», «Ветер», «Отъезд на дачу», «Мухоморы», «Охота» [Русская поэзия 1989, с. 565–569]. В двухтомном издании русской поэзии для детей, подготовленном Е. О. Путиловой, к этому набору было добавлено лишь стихотворение «Все ли? Все ли вы посели...» [Русская поэзия 1997/2, с. 571]. Краткая справка о Потемкине повторяется без изменений в обоих изданиях [1989, 728; 1997/2, с. 732]. «Боба Сквозняков» упомянут, однако, в справке о Василии Князеве: «Известность получила его шуточная поэма о проделках гимназиста — “Боба Сквозняков” (в соавторстве с П. Потемкиным), вышедшая отдельным изданием в изд. журн. “Сатирикон”, СПб., 1912» [Там же].

Книжка открывается страницей, где в окружении нарисованных по образцу «клеим» эпизодов из «жизни» Бобы художник, подписавшийся инициалами В. Л. (согласно определителю Э. Голлербаха,

можно предположить авторство Вальтера Адольфовича Локенберга [Боцяновский, Голлербах 1925, с. 173]), приводит неумелое, с помарками и кляксами, хоть и старательно написанное загадочное рукописное послание:

Мои милые читатели!

Письмо это я успел написать, когда летел вверх. Бросаю его на землю. Когда и куда опущусь не знаю. Моим товарищам передайте, чтобы они справились о моей участи в редакции *Галченка*. Никому не советую стрелять в козла из рогатки. Б. Сквозняков [Потемкин 1912, с. 5]

Здесь находит воплощение игровая стихия, характерная для журнала: смысл послания и его место в сюжете откроются лишь тому, кто прочтет книжку до конца. Если позволительна параллель с серьезной и «взрослой» литературой, уместно вспомнить загадочную фразу «Буркевиц отказал», предпосланную в качестве не то эпиграфа, не то посвящения впервые изданному в 1934 г. «Роману с кокаином» М. Агеева (М. Л. Леви). Зловещий сюжетный смысл фразы становится ясен читателю лишь на последних страницах романа.

Боба Сквозняков — ярко выраженный персонаж того типа, который лег потом в основание эстетики комикса: он содержит оставшийся нереализованным потенциал развертывания в виде практически бесконечной серии историй и приключений. В дальнейшем эта «персонажная матрица» породила на американской почве Супермена и диснеевских мультипликационных героев, на советской — Василия Теркина; в некотором смысле, они приходятся «родственниками» Бобе — дальними, но родственниками. Уже фамилия героя содержит интригу и семантический сгусток: это и несколько инфернальный «сквозняк», связанный с безудержным озорством, как бы врывающимся в рутину гимназической казенщины и жизни старших (герой способен проходить их *насквозь*), и намек на фразеологизм «сквозняк/ветер в голове», столь же точно отражающий сущность героя. На страницах журнала появлялись и исчезали персонажи такого типа: придуманный и нарисованный самим редактором Миша Брыкин (читателям предлагалось дописывать его приключения и присылать в редакцию), Жоржик Пирожков, Сережа Ключиков, Петя Жуков; наконец, сам Галченок в качестве героя или участника забавных приключений. Боба Сквозняков оказался наиболее «перспективным» в этом ряду.

Князевская часть книжки (собственно, «Боба Сквозняков») — небольшая поэма с кумулятивным сюжетом, повествующая о проделках героя и его приятелей в гимназии; она состоит из че-

Князев В. В. Боба Сквозняков: стихи для детей в 2 ч. СПб.: Изд-во М. Г. Корнфельда, Типография журнала «Сатирикон», 1912; художник не указан.

тырнадцати небольших, пронумерованных римскими цифрами главок, *Вступления* и *Заключения*. Василию Князеву потребовался здесь трехстопный ямб, при этом в разных главках окончания стиха варьируются — мужские, женские и дактилические; смежные рифмы (двустипия) произвольно чередуются с перекрестными, образующими четверостишия-куплеты. Доминируют (и по объему, и по «яркости») четверостишия с чередованием дактилических и мужских клаузул; это — традиционная «куплетно-водевильная» форма, наподобие «Его превосходительство / Любил домашних птиц...»:

Таблица умножения,
Быть может, и длинна,
Но в жизни, тем не менее,
Она весьма нужна.
Кто знает реки Азии,
И синтаксис, и счет,

Тот, выйдя из гимназии,
Вовек не пропадет!

Это — тот тип гимназического юмора, который вполне закономерно нашел свое наиболее точное воплощение и завершение в жанре пародийной оперы: в предреволюционные годы в профессиональных и любительских театрах Империи повсеместно ставилось сочинение С. М. Надеждина и В. Р. Раппопорта «Иванов Павел: фантастическая опера с превращениями, провалами и Экзаменом» (1915), упоминаемое или цитируемое («Царь персидский грозный Кир...») многочисленными мемуаристами (клавир с текстом, напечатанный отдельным изданием в 1915 г., переиздан [см.: Надеждин, Раппопорт 2005]).

Образ мальчишки-проказника вошел в «большую литературу» благодаря книгам Марка Твена о приключениях Тома Сойера и Гекельберри Финна. Инфернальная природа персонажа (мальчишка-чертенок) объясняется, кроме прочего, полемической соотносительностью с печатавшейся в первых семи номерах журнала поэмой Сергея Городецкого «Чертяка в гимназии». В наибольшей степени это проявляется как раз во второй, потемкинской части книжки, которая представляет собой инверсированную реплику в сторону Городецкого, художественный мир сочинения которого «разделен на две противопоставленные друг другу области — это лес и гимназия (город), которые соответствуют более широкому противопоставлению природы и цивилизации. Городецкий изображает учебу в гимназии с точки зрения своего героя, чуждого миру, в котором он очутился» [Бурлак 2003, с. 112–113]. Если герой Городецкого «командирован» лесной нечистью в город для обучения в гимназии, то потемкинский Боба, напротив, в качестве награды за успехи в учебе оказывается в рекреативное время в чуждом ему, но чреватом приключениями деревенском пространстве. На странице 29 оба типа пространства представлены в виде условных рисунков.

Начало поэмы Потемкина комично для взрослого читателя, ибо оно отсылает к «деревенским» строфам «Евгения Онегина» (и через них — к пародийному переосмыслению буколической поэзии). Соотнесение ситуации «Онегин в деревне» и названия второй части («Боба Сквозняков в деревне») производит уморительное действие: «портрет» героя, воспроизведенный на странице 10 (художник не указан), живо напоминает описание пригостишки из одноименного стихотворения Саши Черного (1919): «Головенка куличом, / Уши, как у свинки».

Незаметно учится распознавать стилизацию и читатель-ребенок: в первую очередь в поэме слышны вариации на тему строфы XL из Главы четвертой («Уж небо осенью дышало...»), которая с давних пор живет самостоятельной жизнью в хрестоматиях для младшей школы.

«Боба Сквозняков в деревне» написан четырехстопным ямбом — самым распространенным размером русской силлабо-тоники, размером пушкинского романа в стихах. В двух фрагментах «Современного Онегина» (1906) и стихотворении «Балет» Потемкин демонстрирует блестящее владение онегинской строфой [см. об этом: Букс 2010]; кроме этого, в детской поэме ощущается опыт переработки онегинской традиции², а также традиций комической, романтической и символистской поэмы — опыт, воплотившийся в двух «взрослых» поэмах: «Павел и Зоя» (1909) и «Ева» (1910). В этом контексте рифмовка «Бобы» — смежная, самая простая из возможных — производит предельно инфантильное, намеренно упрощенное впечатление. Для взрослого читателя — она как бы спорит с ритмической изошренностью онегинской строфы. Мало того, отсылка к «Онегину» позволяет увидеть текст как бы составленным из одних лишь завершающих онегинские строфы двестишестидесятидвухстрочных: из схемы AbAbCCddEffEgg Потемкин оставил Бобе лишь одни gg. Это сообщает стиху поэмы дополнительный динамизм, соответствующий ее головокружительным сюжетным поворотам.

Сюжет поэмы кумулятивен: это цепочка слабо связанных между собой эпизодов — приключений или проделок. Первая же встреча героя — городского жителя с природой оборачивается комической катастрофой для его тела (организма) и сознания (предопределенной, кроме прочего, обыгранным фразеологизмом): он буквально *нанохался белены*. (Видимо, присутствием модного в новейших постмодернистских контекстах мотива галлюцинации и наркотического «измененного состояния сознания» следует объяснить издание одного из детских стихотворений Потемкина отдельной книжкой, с «осовременивающими» сюжет и героев иллюстрациями [Потемкин 1997].) В дальнейших приключениях эпизоды, сохраняющие жизненное правдоподобие (укус осы, например), чередуются с совершенно «безумными», что с некоторой точки зрения может найти объяснение в одуряющих свойствах белены и дурмана. Таковы истории конфликтов с кротом и козлом, таково и финальное чудесное спасение героя галчонком; для журнала в этом финале содержалась и некоторая рекламная прагматика.

От «Галченка» и возникшего в рамках этого «издательского проекта» «Бобы Сквознякова» видны две линии преемственности.

Одна из них уводит в прошлое — это популярная в XIX столетии анонимная книжка «Степка-Растрепка», впервые изданная в 1849 г. и представляющая собой вольный и приспособленный к русским реалиям перевод книжки немецкого поэта и врача-психиатра Генриха Гофмана Доннера «Der Struwwel Peter. Lustige Geschichten und drullige Bilder Dr. Heinrich Hoffman» (1845), «совершенно противоречащая морализаторскому тону большинства детских изданий Европы» [Ковалева 2005, с. 222]. Текст выдержавшей до 1917 г. множество изданий книжки доступен современному читателю [Русская поэзия 1989, с. 138–142, 687; 1997/1, с. 150–159, 682]. «Название-дразнилка» вошло в речевой обиход и языковую память; советский литературовед Б. А. Бегак, включивший в свою книгу главу «Степка-Растрепка и его наследники», считал его «лучшей находкой переводчика» [Бегак 1979, с. 207]. Потемкин использовал его в одной из «Сказочек», напечатанных в «Водолазе» [Лощиллов 2010, с. 109–113, 124]; имя второго героя сказочки — Ермолка-Безтолка — по всей вероятности, придумал он сам по модели, заданной в девяти стихотворениях книжки (Андрей-Ротозей, Петр-Самолет, Федюшка-Вертушка) и в ее продолжениях — например, анонимной прозаической «Маше-Растрепше» (1884).

Загадочны упоминания этого персонажа в письмах к композитору В. Ф. Нувелю и в 1908, и в 1913 годах: «Я примусь теперь за поэму, потом за Степку-растрепку, попутно за шансонетки»; «Меня страшит моя пятая часть, я боюсь взяться за нее, страшит Степка-растрепка, шансонетки, все!» (РГАЛИ. Ф. 781. Оп. 1. Ед. хр. 12. Лл. 2, 26)³.

Возможно, Потемкин работал над собственной версией перевода текста немецкой книжки; можно предположить, что использовал заглавие в качестве «рабочего названия» для какой-то из своих литературных работ. Так или иначе — стихия «Степки-Растрепки» присутствовала в его творческой лаборатории — в первую очередь, когда речь заходит о сочинениях, предназначенных для детского чтения.

«Степку-Растрепку», как известно, высоко ценил Блок, и его слова, сохранившиеся в записной книжке 1916 г., вполне применимы к потемкинской части поэмы о Бобе и другим его сочинениям для детей: «Стих очень хорош, потому что легок и разнообразен; форма вполне соответствует содержанию, некоторая “домашность” стихов <...> или “бедность” рифм — вовсе не «дилетантизм», не

неумелость, как может показаться с первого взгляда; это — по меньшей мере — органичность, вдохновение автора, а может быть, и сознательное упрощение — тонкость» [Блок 1965, с. 270].

Вторая линия ведет в будущее, в направлении детской советской литературы и печатной культуры 1920–1930-х гг. — явления, по сей день имеющего заслуженный резонанс. Из дореволюционной печати для детей именно «Галченочек» оказался востребованным в контексте революционной, отрицающей прошлое, вкупе с его морализаторскими тенденциями, культурной ситуации советских двадцатых. «Еж» и «Чиж» во многом ориентировались на «Галченочка», отголоски (иногда — прямые заимствования) его поэтики и эстетики слышны в детских стихах Е. Шварца, Н. Олейникова, Н. Заболоцкого, Д. Хармса, А. Введенского. С. Маршак целенаправленно ориентировал детскую литературу нового типа на веселый, игровой, и в игре отрицающий все и вся дух, витавший вокруг радаковского журнала [см.: Галанов 1965, с. 58–65]. Сам Радаков и сотрудничавший в «Галченочке» В. Лебедев оказались в первых рядах творцов этой книжной продукции. Метаморфозу, как и преемственность, отчетливо сознавал Евгений Шварц, автор текста оформленной Радаковым книжки «Война Петрушки и Степки-Растрепки» и подписей к картинкам в книжке с выразительным в свете нашей темы названием «Вороненок» (обе — Л.: Радуга, 1925).

«Боба Сквозняков» стоит и у самых истоков традиции, основоположником которой обычно принято считать Корнея Чуковского, с его несравненно более «удачливым» «Крокодилом» и последовавшими за ним поэмами для детей — «крокодилиадами» [Петровский 2008].

В рецензии на два посвященных Потемкину выпуска выходящего в Северной Африке издания «Slavic Almanac» (см. примеч. 2) Е. В. Брызгалова намечает третью линию, которая ведет от потемкинской поэмы и породившего ее контекста — к детской литературе в эмиграции, где, например, под пером Дон-Аминадо рождается «эмигрантское дитя» — Коля Сыроежкин [Брызгалова 2012, с. 234].

Отметим в заключение, что в эмигрантские годы Потемкин написал еще одну поэму для детей — «крокодилиаду» «Зеленая шляпа» [Потемкин 1924], в которой, в свою очередь, заметно уже влияние поэмы Чуковского. Аппликации из цветной бумаги, иллюстрировавшие это издание, были, вероятно, учебной работой австрийского художника Ганса Фрониуса, прожившего долгую жизнь (1903–1988) и прославившегося впоследствии в качестве иллюстратора сочинений Франца Кафки.

Примечания

¹ В основе этой заметки лежит переработанный и дополненный фрагмент более объемной статьи, опубликованной в труднодоступном издании [Лощилов 2010, с. 113–119].

² Е. В. Брызгалова отметила в рецензии на потемкинские выпуски «Slavic Almanac» (2010. Vol. 16. № 2; 2011. Vol. 17. № 1), что речь идет скорее о стилизации, нежели о пародии, которая предполагала бы «внутреннюю полемику с первоисточником, чего нет и не может быть в “Бобе...”» [2012, с. 233]. С этим уточнением нельзя не согласиться: в самом деле, термины «стилизация» или «пастиш» в нашем случае более уместны, чем термин «пародия», который может быть применен здесь лишь в самом общем смысле (как «перепев»). Если здесь и присутствует элемент «внутренней полемики», то она направлена на пушкинский текст не как, собственно, на пушкинский, но как на элемент школьно-хрестоматийного набора текстов, наподобие распространенных школьных переделок и подражаний классике. «Уж небо осенью дышало...» в этом контексте — не столько строка из великого романа, сколько отсылка к традициям школьной дидактики.

³ Автор выражает признательность профессору Норе Букс (Париж, Университет Сорбонна) за сообщение об этих материалах.

Источники

- Блок А. А. Записные книжки 1901–1921. М.: Худож. лит., 1965.
[Князев В., Потемкин П.] Боба Сквозняков. Премия журнала Галченочек 1912 год. СПб.: Изд-во М. Г. Корнфельда, 1912.
Надеждин С. М., Ратнопорт В. Р. Иванов Павел: фантастическая опера с превращениями, провалами и Экзаменом // Музыка и время. 2005. № 4. С. 40–51.
Потемкин П. П. Зеленая шляпа / картины Г. Фрониуса. Берлин: Книгоиздательство Волга (Wolga-Verlag G.M.B.H.), 1924.
Потемкин П. П. Мухоморы / худ. А. А. Чукавин, И. А. Чукавина. Назрань: Астрель, 1997.
- ### Исследования
- Бегак Б. А. Дети смеются: очерки о юморе в детской литературе. М.: Дет. лит., 1979.
Боцяновский В. Ф., Голлербах Э. Ф. Русская сатира первой революции 1905–1907. Л.: ГИЗ, 1925.
Брызгалова Е. Н. «Легкий поэт с нелегкой судьбой...» // Русская литература. 2012. № 1. СПб.: Наука. С. 233–235.
Букс Н. Пародия на пародиста: По поводу стихотворения Петра Потемкина «Балет» // Текст и тексты. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 128–138.
Бурлак В. Ю. Изображение гимназической жизни в поэме С. Городецкого «Чертяка в гимназии» // Мировая словесность для детей и о детях. Вып. 8. Москва: МГОУ, 2003. С. 112–116.
Галанов Б. Е. С. Я. Маршак: жизнь и творчество. М.: Дет. лит., 1965.
Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях / 3-е изд. М.: КДУ, 2004.
Ковалева Т. В. Поэт Незнайка, малыши и малышки на сцене русской поэзии для детей // Новое лит. обозрение. 2005. № 76. С. 218–237.
Лощилов И. Е. Незвестные страницы наследия Петра Потемкина // Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. 2010. Vol. 16. № 2. Pretoria: University of South Africa; «Unisa Press». P. 108–138.

Петровский М. С. Крокодил в Петрограде // Петровский М. С. Книги нашего детства. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. С. 11–94.

Радаков А. А. Как делался «Галченко» // Детская литература. 1940. № 8. С. 123–130.

Русская поэзия детям / вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Е. О. Путиловой. Л.: Советский писатель, 1989.

Русская поэзия детям: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Е. О. Путиловой. СПб.: Академ. проект, 1997.

Тименчик Р. Д. «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах // Дружба народов. 1989. № 6. С. 244–253.

Тименчик Р. Д. Потемкин Петр Петрович // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 120–122.

Приложение

БОБА СКВОЗНЯКОВ В ДЕРЕВНЕ

Начнем, как водится, сначала...
Итак, весна уже настала,
Уж прилетели журавли
С болот египетской земли,
Уж листья клена зеленели,
Уж кое-где пичужки пели,
Уж по полям и по лугам
Раздолье стало цвести цветам,
Уж голубели незабудки,
Уже пастух играл на дудке,
Сбирая по утрам коров
Под звонкий выкрик петухов.
Уже поля заборонили,
Засеявши, и уж рядили
Об урожае мужики,
Уж выходили гусаки.
Одни пастись, по той причине,
Что на гнезде сидят гусыни...
Ну, словом, друг читатель, знай:
Уж наступал веселый май!
Весна, царевна молодая,
Смеялась, весело играя
Горячим солнечным лучом,
Над шумноплещущим ручьем.
Но это было все в деревне —
Не в городе, — весне царевне
Нет в городе таких забав,
Нет вешних листьев, сочных трав...
Она у нас проходит скоро —
Уж слишком много тут надзора.
Едва чуть-чуть растает снег,
Уж дворник за метлу, и всех
Прохожих жидкой грязью мочит —

Прогнать весну скорее хочет!
Не разгуляться детворе,
Не разыграться на дворе
В снежки, — два дня, глядишь, и нету
Весны, и дело близко к лету.
А летом душно, тяжек зной,
Клубится пыль по мостовой,
Все жаждут тени и прохлады
И убежать от солнца рады
Скорее в комнаты, и там
Сидят, томясь по целым дням.
Весной и летом горожанам
Ходить не хочется. Куда нам
В жару по городу ходить?
И стоит только предложить
Нам, горожанам, бросить это
Сиденье и прожить хоть лето
В деревне, всякий будет рад
Забросить душный Петроград.

***

Герой мой, Боба Сквозняков,
Был мальчик десяти годков.
Он был уж год пригостишкой
И часто сиживал за книжкой.
Папаша с мамой его
Не заставляли одного
Зубрить глаголы — вечерами
Они с ним занимались сами, —
Уж очень был он шаловлив
Да и немножечко ленив.
Еще зимой с трудом немалым
Они вдвоем справлялись с малым,
И то, он сколько ни зубрил,
Одни лишь тройки приносил.
А уж весной! (Зачем лукавить,
Не буду лгать) Не мог заставить
Учиться Бобу даже сам
Наставник классный, немец Рамм.
Заохал папа — дело плохо...
Но как тут ни вздыхай, ни охай,
Придется Бобе год второй
Сидеть за партой одной.
Подумал папа вместе с мамой
И Бобе так сказали прямо:
Бобиша, если в первый класс
Ты перейдешь, ты этим нас
Порадуешь, а мы за это
Тебя возьмем на дачу летом.
Услышав это, Боба мой

Такой вдруг поднял крик и вой
От радости и так пустился
Плясать, что тотчас же хватился
О притолку с размаху лбом...
Но это, впрочем, не при чем —
Залечит время Бобе шишку,
А он засел с тех пор за книжку.

Вот в мае пятого числа
Судьба утеху принесла
Папаше — Боба Сквозняков
Сдал все экзамены... Каков?
Старанья Бобы оценили
Папаша с мамой, подарили
Ему премножество вещей —
Жестянку славную, чтоб с ней
Гулять и собирать по паре
Цветы, и составлять гербарий,
Сачки для ловли мотыльков...
Ну, словом, Боба Сквозняков
Был награжден с большим излишком
За то, что был приветлив к книжкам.

Кто по дороге столбовой
Так быстро едет? Кто такой
Сидит на козлах с Павлом рядом
И смотрит удивленным взглядом
На лес, на нивы, на дуга,
На речки быстрой берега?
Кто, к ужасу степенных взрослых,
Все время вертится на козлах,
Рискуя, как рука в серсо,
Уткнуться носом в колесо?
Кто это в новенькой фуражке?
Знакомы нам его замашки!
Кто это с новеньким сачком?
Сачок как будто нам знаком!
Кто это пыльный весь и серый?
Знакомы нам его манеры!
Сачок для ловли мотыльков?!
О, да ведь это Сквозняков!
Бобиша! Боба! Вот кто едет
Так быстро! Вот кто лесом бредит!
Так вот кто вертится юлой,
Рискуя буйной головой!
Ну да, теперь мне все понятно,
Ведь все вокруг ему занятно:
Впервые Боба Сквозняков
Покинул городской свой кров!
В деревне все свежо и ново,

Все, все для Бобы Сквознякова!
Не видел он ни серых хат,
Ни кур, ни свинок, ни телят,
Ни стольких елок, ни березок,
Ни сельских простеньких повозок,
Ни нив зеленых, ни лугов —
И счастлив Боба Сквозняков!
Папаша с мамой едут сзади
И слышно только: «Бога ради,
Бобиша, смирно посиди,
Держись, держись, не упади!»
И думает в тревоге мама,
Смотря перед собою прямо:
«Ах, что-то будет!» Но о том
Мы речь особо поведем!
Приехали. Бобиша рад
Всему. Бежит он прямо в сад.
На старой клумбе, меж бурьяна
Цветут в саду цветы дурмана.
Бобиша к ним. Он не знаком
В природе ни с одним цветком.
Нарвал цветов, и, ну их нюхать,
От радости визжать да ухать!
Нанюхался и присмирел,
Потом на лавочку присел.
Не понимаем, в чем тут дело!
Как будто онемело тело,
Болит ужасно голова,
Глаза глядят едва-едва.
Добрел домой он еле-еле,
И отлежался уж в постели...
Всю ночь дурные видел сны —
Не нюхай, Боба, белены!
Наутро Боба, вставши рано,
Увидел на дворе Полкана —
Большого пса, а рядом с ним
Щенка, мой Боба крикнул: «Бим!»
Щенок примчался пулей к Бобе,
Хотя не шла к его особе
Такая кличка, звался он
Доселе просто Перезвон.
Но ведь для Бобы нет закона,
И Боба имя Перезвона
Переменял на кличку «Бим»
И очень подружился с ним.
Напившись кофе с булкой, оба
Уходят в лес, и Бим, и Боба.
Бегут по нивам и лугам...
Мой Боба, волно дав рукам,
Сачком махает, мушек ловит

И в банке им тюрьму готовит.
 Вот прибежали в лес. В лесу
 Наткнулся Боба на осу.
 Оса! Поймать бы! Смотрят в оба
 За злой осой и Бим, и Боба.
 Оса жужжит, оса юлит,
 Покушать меду норовит.
 Но вот оса на куст присела.
 Бобиша — хватать! И в шляпе дело!
 Оса в руках! Но, Боже мой,
 Какой поднялся крик и вой!
 Осе (и это всем понятно)
 В руках у Бобы неприятно,
 Чуть только Боба рассмотреть
 Ее хотел, осе терпеть
 Все это очень надоело, —
 Она взяла да улетела,
 Но, по обычаю всех ос,
 Сперва куснула Бобу в нос.
 Сидит мой Боба, громко плача
 Об этой новой неудаче,
 А Бим, приятель, верный пес
 Усердно лижет Бобин нос.
 Но все проходит в этом мире,
 И вот, денька через четыре,
 Забыв про свой распухший нос,
 Мой Боба и приятель пес,
 Откинув всякую заботу,
 Опять выходят на охоту.
 Вот на опушке леса Бим
 Остановился. Перед ним
 Землицы небольшая кучка,
 А в кучке черненькая штучка.
 Бим лает, не жалея рта,
 Бим увидел кого? Крота!
 Спешит на лай собаки Боба —
 В обоих разгорелась злоба
 И у двоих одна мечта:
 Скорей, скорей поймать крота!
 Но крот не глуп, он в землю врылся
 И от врагов навеки скрылся,
 Шепнувши на прощанье псу:
 «Постой, я плетку принесу»!
 Снести такого оскорбления
 Не в силах Бим! В остервененьи
 Он роет землю. Пыль и грязь
 Летят, но, в землю углубясь,
 Не видит Бим, что Боба в белом —
 Он слишком занят важным делом:
 Бим с головы до самых ног

Испачкал Бобу, но не мог
 Крота поймать... сидят угрюмо
 И без крота, и без костюма.
 Вот, посмотрите-ка, каков
 Теперь мой Боба Сквозняков!
 Бим молча с горя лижет лапы —
 Обоим попадет от папы.
 А крот смеется: «Ну, народ!
 Не знают, что такое крот!»

Всем людям месть давно знакома.
 Досталось сильно Бобе дома —
 Решил кроту он отомстить,
 Всенепременно изловить!
 Вот у норы они в засаде
 Сидят. Сачок воткнули сзади,
 И оба думают: «Добро!
 Теперь поступим мы хитро!
 Что рыть? Мы подождем, покуда
 Ты сам не вылезешь оттуда».
 Не понимал никто из них,
 Что крот уже учуял их.
 Сачок втыкая, Боба палкой
 Попал в нору крота. Смекалкой
 Был крот богато одарен,
 В чем штука, тотчас понял он,
 И приложил он все старанья,
 Чтоб им усилить наказанье.
 Подполз он к палке и подрыл
 Ее конец, что было сил...
 О близкой мести грезит Боба,
 Друг Бим за норкой смотрит в оба,
 Невольно шепчут их уста:
 «Ужо изловим мы крота!»
 Но их кроту совсем не жалко,
 Подрыв, толкнул он снизу палку...
 Сачок ударил Бобу — раз!
 У Бобы брызнули из глаз
 Огни и искры. Лает Бишка,
 И ноет на затылке шишка...
 Уж, верно, Боба Сквозняков
 Не будет впредь ловить кротов!
 Читатель, без меня могли вы
 Узнать, что все козлы бодливы,
 Великолепно это знают
 Хозяйки все, и охраняют
 Оне прохожих от рогов,
 Держа на привязи козлов.
 Однажды утром Бим и Боба,
 Друзья-приятели до гроба,

Шли рядышком зеленым лугом.
Идут так чинно, друг за другом,
И вдруг увидели козла!
Мгновенно Бобе мысль пришла:
«А, ну-ка, где моя рогатка?
Стрельну в козла! Вот будет схватка!
Козел привязан, забодать
Не может он. Чего же ждать?!»
И Боба принялся за дело —
К несчастью, не совсем умело.
Жует козел, не чуя зла,
А Боба метится в козла.
Но Бобе метиться неловко,
И сел мой Боба на веревку —
Ловчее так. Стрельнул. Попал!
И в тот же миг навек пропал!
Но в чем же дело? Друг читатель,
Чего тоскует Бим, приятель?
Куда же Боба мой исчез?
Куда? Он в синеве небес!
Едва стрельнул он, как веревку
Рванул козел, притом так ловко,
Что та Бобишу поддала,
И полетел он, как стрела
Порой летит из самострела!
На Бишкин лай бегут поспешно
Папаша с мамой и, конечно,
Тоскливо смотрят в небосклон —
Где милый Боба? Где же он?
Нет, нет его! И не тоскует
Один козел — он торжествует!
Летел бы долго Боба мой
Навстречу солнцу, но судьбой,
Его хранившей из пеленок,
Бобише послан был Галченок.
Галченок Бобу подхватил,
Его полет остановил,
И бережно спустил Бобишу
К себе в редакцию на крышу.
Но подождем, друзья, немного
Оправится он, слава Богу,
Пойдет учиться в первый класс
И снова позабавит вас,
Друзья, проказами своими...
О вас, о маме и о Биме
Он не забудет... Но о том
Мы речь особо поведем.